

ПОРТРЕТЫ МОЛОДЫХ

ВОЛЯ. ТАЛАНТ.
ХАРАКТЕР

МАСТЕРА в балете в сильной степени формирует наставник. У героя нашего очерка такой наставник есть. Некогда известный солист балета Аркадий Николаев по праву делит с Владимиром Кирилловым и радости, и трудности профессии. Из Московского хореографического училища Кириллов был выпущен из класса Леонида Жданова — педагога высокой квалификации, в прошлом солиста Большого театра.

Мастером становится лишь тот «избранник муз», чей талант равновелик воле, целеустремленности, сосредоточенности на творчестве, способности относиться к самому себе без самодовольного умиления собственными победами, жестко, самокритично, трезво.

Молодой премьер Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, лауреат международных и всесоюзных конкурсов Владимир Кириллов вышеперечисленными свойствами наделен. Но сверх названных качеств есть еще одно исключительно важное — привитое с детских лет умение уважать работу как таковую.

Неожиданностями открылся послужной список Кириллова в театре. Главный балетмейстер Алексей Чичинадзе готовил молодежный состав своего одноактного балета «Франческа да Римини» и поручил новичку... роль Джотто. Казалось бы, для подобного назначения у постановщика особых оснований не было. На выпуске Кириллов показывался в номерах сугубо классического плана, в сочинениях художественного руководителя школы Максима Мартиросяна. Внешность недавнего выпускника, весьма картинная и сценичная, тоже вроде бы обещала ему участие классического героя-лирика и рыцаря.

Но Чичинадзе угадал те пласты драматизма, те проявления актерского темперамента, что заложены в индивидуальности нового исполнителя. Разумеется, мрачный злодей, ревнивец и завистник Джотто был характером весьма далеким от душевного склада юного танцовщика. Тем более трудов понадобилось для столь необычного дебюта. Разумеется, сквозь угрожающую танцевальную и пластическую речь Джотто вдруг пробивались сценическая неискушенность, даже некоторая наивность исполнителя. Но итог первого выступления обнадеживал. В первой роли утверждался активный, настойчивый интерес к овладению человеческой сутью персонажа, а не только танцевальным текстом.

Разработка характера комедийного, на грани гротеска отличает кирилловского Коппелиуса. Беспечный бродяга, немножко авантюрист, немножко мистификатор, а в сущности человек достаточно невеселой судьбы, странник и неудачник, — спектр характера, созданного Кирилловым, точно соответствует концепции А. Чичинадзе.

Кириллову совершенно необходимо, жизненно важно найти свои краски, свои черты в давно исполненных предшественниками ролях. В «Степане Разине», «Шакунтале», «Корсаре» ему приходится танцевать в очередь с Вадимом Тедеевым, чей незаурядный талант общепризнан. В партии Феба многие еще помнят самого Чичинадзе — холодного, аристократичного, надменного красавца, которому ничего не стоит презреть самоотверженную любовь Эсмеральды. Утверждать собственное понимание, собственное видение и собственное прочтение каждой роли — занятие непростое, цель трудно достижимая. Однако молодой танцовщик отличается завидным упорством в достижении цели. Он ищет и отыскивает новые подробности, новые пластические оттенки духовной жизни своих героев, и новые краски вдруг вспыхивают в ранее неведомом ракурсе. В мимолетном, единственном движении Феба в последней встрече с Эсмеральдой звучат горькие сожаления о потерянном, необратимо погибшем счастье, глубоко скрытое отчаяние. И мы понимаем: возмездие уже настигло этого блестящего любителя экзотических романов. А в гипнотическом оцепенении Душианты вдруг прочерчивается второй план: герой Кириллова будто силится сбросить пути забвения, мучительно пытается вспомнить бы-

лое, вступает в трагическую борьбу с самим собой. Но чары зла побеждают. И хотя перед нами герой несомненно сказочный, из «далекой Индии чудес», величие безмолвного поединка внешне-го равнодушия с затаенной и страдающей памятью и совестью воистину правдиво и трогает зрительские сердца.

...Каким должен быть балетный принц? Стройным. Красивым. Поэтичным. И так далее. И тому подобное. Балетные принцы, воплощенные Владимиром Кирилловым, стройны, красивы, поэтичны. А как же иначе!

Надо видеть, с какой бережностью к замыслам Бурмейстера, с каким последовательным проникновением в психологическую структуру спектакля танцует Кириллов своего Зигфрида.

Осознанно или невольно он неизменно связывает жизнь героя с линиями жизни всех иных персонажей. Ему удается вывести роль на простор широких ассоциаций. За героем непременно возникнет картина целой эпохи. И в соло Зигфрида вдруг послышится меланхолический настрой германской рыцарской баллады. В манерах Феба вдруг отзовется средневековые с его нерушимым этикетом, причудливым зодчеством, инквизиторской жестокостью. Вполне допускаю, что ассоциации совсем непреднамеренны. Тем солиднее доказательство самобытности и масштабности созданий танцовщика.

Тот дух истории, которым насытил Константин Сергеев «Легенду о Жанне», нашел мгновенный отклик в сложнейшей роли Лионеля. Это воин, влекомый в бой ненавистью к врагу. Пылкий, влюбленный. Коварный, вкрадчивый противник. И — человек, подчас беззащитный перед ударами судьбы. Перед нами будто проходит долгая, долгая жизнь, раздираемая страшными, непримиримыми противоречиями. Привлекательность работы Кириллова отнюдь не исчерпывается его внешней импозантностью. Естественно, он выглядит эффектно, а главный художник театра Александр Лушин сочинил для него прекрасные костюмы. Но мало значит даже самый выигрышный облик, если он не полнится жизнью образа. Просто, внешне сдержанно, но с затаенным пламенем страстей проводит Лионель каждый миг пребывания на сцене. Сказывается постижение неповторимой природы каждого хореографа — будь то А. Чичинадзе или Т. Шиллинг. Резкий экспрессионизм немецкого балетмейстера свободно освоен танцовщиком в «Черных птицах».

В «Легенде о Жанне» Кириллов обнаружил подлинное мастерство владения дуэтным танцем, тщательно отшлифованное за восемь лет работы в театре. Он всегда оказывается партнером надежным, внимательным, никогда не стремясь «конкурировать» с партнершей. Особенно интересны его совместные выступления с замечательной Маргаритой Дроздовой. Гармония линий, гармония фактуры, единство школы отнюдь не означает отсутствия внутренних контрастов в их сценическом общении. Они согласованно ведут подробное повествование о двух судьбах, о двух путях, которыми идут разные люди, далеко не всегда приходя к банальному «хэппи энду». Когда их героям суждено расстаться и даже погибнуть, они принимают такой исход с величием гордой души. А если героев ожидает счастье, счастье их страдано, завоевано, действительно выковано в жизненных испытаниях. В такой правдивой сложности человеческих взаимоотношений и состоит, наверное, секрет прочности их дуэта, где талант каждого умножен талантом партнера.

Кириллов умеет танцевать отлично. Именно так он и танцевал на IV Международном конкурсе в Москве. Все эти трудные, прекрасные классические антрэ, вариации, коды выглядели не абстрактными извлечениями из старинных спектаклей, но эскизами будущих ролей, силуэтами актерских мечтаний, проектами близких свершений. Недалек день, когда Владимир Кириллов появится в партии Базиля. Его новый герой в чем-то близок новому исполнителю. Оба они молоды. Оба наделены волей и талантом.

Е. ЛУЦКАЯ.